

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Е.Н. БЕКАСОВА

*(Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия)*

УДК 81'23
ББК Ш100.4

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НОРМАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье анализируются данные психолингвистического эксперимента по исследованию особенностей реализации одного из «слабых» звеньев языковой системы – формы 1 лица единственного числа настоящего (простого будущего) времени, представляющей синтагматически и парадигматически обусловленные потенциальные варианты, которые в ряде случаев имеют «разночтения» в нормализаторской практике.

Ключевые слова: языковая система, языковая личность, форма 1 лица единственного числа презенса, альтернации, кодификация.

Наиболее сложно процессам нормализации подвергаются языковые явления, которые в силу закономерностей исторического развития системы не получили своего завершения или сохранили прежние стадии в виде «отпечатков», «следов», «окаменелостей», «рудиментов» (по терминологии И.А. Бодуэна де Куртенэ). Как правило, данные «слабые звенья» современной системы русского языка балансируют на грани литературной нормы и не-нормы, нередко поддерживаемой просторечным и диалектным узусом. Именно с ними возникают проблемы кодификации, обуславливающие разночтения в словарях, справочниках и грамматиках.

К таким проблемным зонам современной нормализации, безусловно, относятся формы 1 лица настоящего (простого бу-

дущего) времени (далее – 1 л. ед. ч.), где проявляется синтагматическое и парадигматическое выравнивание вследствие необходимости реализации в большинстве из них альтернативы, а также значительной их распространённости в разговорной речи, где ослаблено действие литературной нормы. В этом случае наблюдаются или запреты на употребление формы, или возникают словоизменительные грамматические варианты с неоднозначным кодификационным статусом. Такое положение диктуется внутренними факторами развития языка, и прежде всего, давлением сложившейся системы на исторически обусловленные асистемные формы, в результате чего происходит аналогическое выравнивание основы или утрата не вписывающейся в современные координаты формы. Однако при общей тенденции ожидаемые результаты не столь прямолинейны, что обуславливает неоднозначность решения в научной литературе как проблемы дефектной личной парадигмы глагола, так и наличия вариантности. Как правило, отсутствуют чёткие предписания об употреблении и образовании целого ряда форм 1 л. ед. ч., а также однозначные указания на причины неупотребительности данной формы у некоторых глаголов.

В частности, в академических грамматиках современного русского литературного языка – «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. (далее – Гр. 70) и «Русской грамматике» 1980 г. (далее – Гр. 80) – отмечается возможность образования личных форм от любого глагола, чему, однако, могут препятствовать лексическое значение, несовместимое со значением форм 1 л. ед. ч., «традиционные представления о неблагозвучии» форм и произносительные неудобства (например, для *бдеть*), традиции употребления [Гр. 80: 661], а также стремление избежать омонимического совпадения словоформ разных глаголов [Гр. 80: 413].

Данные положения иллюстрируются списками глаголов: около 60-ти глаголов в Гр. 70 и около 70-ти – в Гр. 80. Однако З.К. Тарланов утверждает, что глаголов с неполной личной парадигмой в современном русском литературном языке около 4900 [Тарланов 1979: 66], при этом на долю глаголов «терминологического происхождения, многие из которых полностью или частич-

но восходят к заимствованиям из западноевропейских языков», и «слов с аффиксом *-ся*, исключаящим по смыслу их употребление в 1 и 2 лицах», приходится 90 % всех случаев [там же: 70]. Естественно, их неупотребительность, как считает З.К. Тарланов, связана не «с традицией или стремлением к благозвучию», а с семантическими и жанровыми основаниями [там же: 71]. Таким образом, вырисовывается проблема не запрета употребления форм 1 л. ед. ч. у некоторых глаголов, а специфики представления альтернативы глаголов, недавно вошедших или претендующих на вхождение в систему русского литературного языка.

Различия в перечне глаголов и критериев отсутствия формы 1 л. ед. ч. обуславливают противоречия в установлении кодифицированной нормы. Во-первых, сведения о том, что у глаголов *желтить*, *мутить*, *приютить*, *нудить* (разг.), *чадить* «избегаются в употреблении формы 1 лица ед. ч.» [Гр. 80: 660], не подтверждаются данными современных нормативных словарей, где фиксируются *желчу*, *мучу*, *приючу*, *нужу*, *чажу*. Во-вторых, наличие разговорных (*звоздить*, *дудить*, *гнушить*, *бузить*, *чудесить*, *елозить*), просторечных (*шкодить*, *сбрэндить*, *лямзить*) и даже диалектных (*ерундить*) глаголов, составляющих почти четверть приведённых в Гр. 80 глаголов с неполной личной парадигмой, ставит под сомнение предлагаемый список, так как в просторечии, разговорной речи и диалектах не существует запретов на употребление форм 1 л. ед. ч. и их разнообразное оформление. В-третьих, есть случаи разночтений утверждения нормы. В частности, глагол *ощутить* в Гр. 80 на с. 660 включён в список глаголов, не имеющих формы 1 л. ед. ч., а на с. 677 в перечне форм 1 лица с чередованием /г'-ш'/ имеется форма *ощущу*.

Такое положение с кодификацией подтверждает высказанное И.А. Бодуэном де Куртенэ мнение о том, что «сознательное или бессознательное стремление к идеальному, стройному, правильному порождает языковой пуризм, граничащий с педантизмом и заставляющий своих представителей вмешиваться постоянно в естественное развитие языка, класть veto против известных явлений, кажущихся почему-то неправильными, и приказывать, чтобы то-то и то-то в языке приняло такой-то и такой-то вид. Пекуются известные правила и известные исключения из

этих правил (всякому самостоятельному, положительному, объективному уму подобные правила могут внушить отвращение к грамматике), которые считаются ненарушаемыми и последствием которых бывает то, что подчас иностранец «правильное» (по грамматике) говорит известным языком, нежели туземец» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 50].

Для И.А. Бодуэна де Куртенэ совершенно очевидно, что «все мнимые грамматические исключения объясняются историей языка и представляют или остатки древних «правил», или же задатки будущих» [там же: 51]. В этом плане показательна парадоксальная ситуация с глаголом *пылесосить*, в котором, по Гр. 80, употребление формы 1 л. ед. ч. избегается, при этом указывается, что «*пылесосу* и *пылесосу*, обе формы в употреблении редки» [Гр. 80: 660], хотя речевая практика свидетельствует о необходимости употребления данной формы, при этом спонтанное речевое поведение делает практически невозможным использование рекомендованных описательных конструкций.

Потенциальные формы 1 л. ед. ч., в том числе и вместо оборотов, предписываемых современной нормой, могут выступать и как маркеры неофициального, непринуждённого общения реальных людей: «Я не звезда. Я не *хожу* и не *звезжу!*» (интервью с балериной Дианой Вишневой. «Блокнот», 1 ноября 2004 г.), «*Скоммунизжу* из журналов типа “Радио” 80-х годов» (Журнал «Хакер». 2002. № 7. С. 45).

Спонтанное речевое поведение не только опровергает узаконенные запреты, но и показывает разброс в реализации варианты форм 1 л. ед. ч., обусловленный столкновением узальной нормы, допускающей существование данных форм без альтернативы, и кодифицированной альтернативы, что приводит к вариативности форм типа *пылесосу* / *пылесосу*, *бузю* / *бужу*, *шкодю* / *шкожу*, *очутюсь* / *очучусь*. В результате возникает не только проблема выбора, в принципе невозможная по кодифицированным нормам русского литературного языка, но и иллюзия недопустимости употребления формы 1 л. ед. ч. При этом выдвигаемый в Гр. 80 критерий «традиционного представления о неблагозвучии» – один из самых расплывчатых и научно некорректных. Фактически неблагозвучием объяснено существование

лишь формы *чту* от *читать*, в то время как неупотребительность *ерунжу* (диал.), *мучу* (мутить) мотивируется не произносительными неудобствами, а следованием традиции [Гр. 80: 661].

Таким образом, налицо важнейший аспект нормализации, свидетельствующий о том, «норма, учитывающая как системный, так и эволюционный аспекты языка, невозможна без третьей координаты – личностной, т.е. языкового сознания» [Караулов 1987: 37]. В связи с этим нами с 1990 г. проводится исследование особенностей реализации форм 1 л. ед. ч. и критериев отбора потенциальных грамматических вариантов с учётом не только языковой практики носителей русского литературного языка (студентов педколледжей и вузов, учащихся школ и учителей-словесников), но выявлением специфики метаязыковой и аксиологической рефлексии индивида.

Анализ данных психолингвистического эксперимента позволил определить предпочтения в выборе синтагматически и парадигматически обусловленных потенциальных вариантов.

Большинство респондентов считают возможным образование форм от глаголов с кодифицированной дефектной парадигмой (школьники и студенты в среднем соответственно в 86 % и 72 % случаев). При этом отсутствие формы 1 л. ед. ч., как правило, фиксируется у глаголов пассивного лексикона или терминологического характера типа *умилосердиться*, *застить*, *обезуглеродить*.

В своё время Л.К. Граудина указывала на спорность кодификации отсутствия формы 1 л. ед. ч. у целого ряда глаголов, в частности, для достаточно известного в этом плане глагола *победить*: «В.И. Чернышёв в стилистической грамматике рекомендовал две формы – *побежу* и *побежду*. Вторая форма современной нормой уже отвергнута, но и первая не принята» [Граудина 1980: 217].

Следует подчеркнуть, что В.И. Чернышёв в «Опыте русской стилистической грамматики» указанные генетически входящие огласовки пытался утвердить и для других глаголов с финалью на *-дить*, где исторически могли наблюдаться колебания в выборе вариантных форм типа «*возбужу* или *возбужду*, *побежу* или *побежду*, *утружу* или *утружду*, *наслажусь* или *наслажусь*», при этом предпочтение отдаётся русской огласов-

ке: «*пробужу, поврежу, насажу* (топор, деревьев) и *насажду* (в отвлечённом смысле), *досажу, загражу, огражу, прегражу* и *прегражду, упрежу* и *упрежду, утружу, учрежу* и *учрежду, утвержу* и пр.; только *наслажду* более употребительно, чем *наслажу*» [Чернышев 1979: 563].

Судя по нашим данным, при выборе потенциального варианта от подобных глаголов, более конкурентной, чем формы на -*жду* является форма без альтернативы, широко представленная в русских диалектах [Касвин 1949; Бекасова 1987, 1997], ср.: *побежу, убежу, чужу, учреджу* (соответственно 52 % и 37 %), *победу, убедю, чюдю, учредю* (25 % и 19 %), *побежду, убежду, чужду, учрежду* (9 % и 16 %).

На фоне привычной и кодифицированной формы на -*жу* форма без альтернативы, возникшая в результате выравнивания основы и имеющая яркую маркированность, оказывается более востребованной в определенных условиях [Бекасова 2005; 2006; 2008]. В этом плане достаточно нагляден результат такого выбора в произведении В. Высоцкого «Про дикого вепря», где «бывший лучший, но опальный стрелок» отвечает королю: «Чуду-юду я и так *победу!*». Отвергнуты пафосно-монументальное, хотя и кодифицированное «*одержу победу*», и отдающее высокой «славенщиной» *побежду*, и ассоциирующееся с поражением *побежу*. Только форма с отсутствием обязательного для литературного языка чередования, но распространённая в народной речи и так удачно вписывающаяся в ритм и рифму стиха, создаёт образ бесшабашного и решительного героя. Однако другой персонаж (Царь Горох из мультфильма «Как грибы с Горохом воевали») в соответствии со своим амплуа перебирает возможные огласовки формы и останавливается на предписываемом правилами описательном, но просторечном варианте «Я его интеллектом *победу, побежу, побежду... забуду его мозгами*».

Следует отметить рост образования форм типа *побежду* у студентов по сравнению со школьниками (почти в 1,8 раза), видимо, связанное с усилением влияния системных однокоренных образований. Предложенная студентам филологического факультета Оренбургского педуниверситета возможность утвердить какую-либо из возможных потенциальных форм показыва-

ет, что с повышением курса увеличивается процент «кодификации» форм типа *побежду* и *охлажду*. В связи с этим интересно отметить, что формы на *-жду* (*убежду*, *убеждусь*, *учрежду*) в 73 % случаев предпочитают респонденты с высшим образованием, которые знают о ненормативности данных форм, но считают возможным их употребление и признаются в их использовании в условиях неофициального общения, при этом отвергают формы типа *буду учреждать* или *одержу победу* и под.

Предполагаем, что в этом случае срабатывает «логическая мерка», которая «вводит язык в настоящую искусственность» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 50]. Дело в том, что именно в глаголах X словоизменительного класса I подкласса отсутствует ожидаемый параллелизм гетерогенных членов альтернативных рядов типа *охлаждать*, *охлаждённый*, *охлаждение*, но *охлажду*; *освободить*, *освобождённый*, *освобождение*, но *освобожу* и под. Появляется своеобразный соблазн, как писал И.А. Бодуэн де Куртенэ, «быть законодателем, хотя бы и в области языка»: «даже у многих из самых светлых и чисто объективных умов сохраняется склонность перестраивать и поправлять родной язык» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 50]. Удивительно, но «нормализаторский синдром» касается в основном списка глаголов, который был представлен М.В. Ломоносовым в «Российской грамматике» (1855–1857 гг.): «ЖДУ имеет ЖДАТЬ»: *бежду*, *врежду*, *гражду*, *кажду*, *нужду*, *слажду*, *чрежду*, *тружду*, *хожду*, *прежду*, *чуждусь*, *труждусь* [Ломоносов 1952: 746]. Однако провозглашённая М.В. Ломоносовым идентичность альтернативы не выдерживает проверку практикой ни в материалах «Российской грамматике», ни в творчестве М.В. Ломоносова, где предпочтение отдаётся формам в исконном оформлении [Бекасова 1998; 2007; 2013].

Следует отметить, что формы 1 л. ед. ч. малоупотребительных глаголов или новообразований респондентами обычно фиксируются с восточнославянскими по происхождению альтернативами (обычно в речи студентов) или с утратой чередования (у школьников): соответственно 69 % и 23 % для *жижу/дю*, *помажу/дю*, *чажу/дю*, *цежу/дю* и 71 % и 18 % для *колошмачу/тю*, *баламачу/тю* и под. Эти данные подтверждаются результатами

эксперимента Р.В. Бахтуриной, в котором из 94 участников 77 человек при образовании формы 1 л. ед. ч. от новообразований и глаголов, парадигма которых ограничена спрягаемыми формами, типа *шкодить*, *руладить*, *колобродить*, *комплементить*, *банкротить* предпочли использовать альтернанты восточнославянского происхождения, и только 17 участников избегают альтернации [Бахтурина 1966]. Показательно, что никто из респондентов нашего исследования и эксперимента Р.В. Бахтуриной не привёл формы с альтернантами южнославянского происхождения /жд/ и /ш/.

В параметры альтернационного облика 1 л. ед. ч., выявленные в ходе нашего эксперимента, который в той или иной степени включает элементы сознательной оценки предложенных потенциальных форм или отобранных самим респондентом, практически не включаются примеры «обратной альтернации» типа *плечу* (вм. *плету*), *бережу* (вм. *берегу*), *печу* (вм. *пеку*) или альтернации согласных, отличающихся только признаком твёрдости / мягкости, типа *ходу* (от *ходить*), *гомону* (от *гомонить*), *завинту* (от *завинтить*), которые свойственны детям, осваивающим систему русского языка [Бекасова 1991; 1999]. Однако ненормативность таких «экслюзивных» для взрослых форм 1 л. ед. ч. становится притягательной для одного из «игроков» в достижении определённых коммуникативных задач даже в официальном общении (см. [Гридина 2012: 20–24]), например, в сериале «Закон и порядок» на вопрос «Вы же его ведёте! (то есть осуществляете слежку)» допрашиваемый отвечает с иронией: «*Ведю!*».

Таким образом, процессы синтагматического и парадигматического выравнивания (реже – их деформации) свойственны именно формам 1 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени вследствие необходимости реализации в большинстве из них альтернации, а также значительной распространённости данных форм в условиях ослабления литературной нормы (детская речь, разговорная речь). К внутренним факторам исторического развития системы языка, обуславливающих контур колебаний и их амплитуду, присоединяются внешние факторы, в том числе личный опыт использования потенциальных форм, незнание или игнорирование предписываемых кодификацией форм, желание

откорректировать парадигму чередований. При этом морфонологическое оформление формы 1 л. ед. ч. наиболее разнообразно для детской речи, когда осваиваются все потенциальные возможности языковой системы, не ограниченные рамками литературного языка. Для школьников и студентов нормативный аспект в определённой степени суживает выбор потенциальных вариантов, чаще всего в случаях реализации форм глаголов активного употребления. Однако ощущение возможной вариантности и её разнообразной маркированности позволяет языковой личности креативно реализовать потенциал системы русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Бахтурина Р.В. Морфонологические условия образования отглагольных глаголов с суффиксом *-џ-* / *-и-(ть)*. // Развитие словообразования в современном русском языке. – М., 1966. С. 55–74.

Бекасова Е.Н. Особенности морфонологических чередований в глаголах с основами на *-д'-*, *-т'-* в русских народных говорах (в сопоставлении с литературным языком) // Формирование и развитие говоров территорий позднего заселения. – Саратов, 1987. С. 49–54.

Бекасова Е.Н. Статистические параметры южнославянских по происхождению элементов в русских народных говорах // Вестн. Оренб. пед. ин-та. Гуманитарные науки. Языкознание. 1997. № 2 (6). С. 4–14.

Бекасова Е.Н. «Стихия возникающего слова» // Проблемы лингвистического образования школьников: материалы V зон. конф. «Филологический класс»: Наука – ВУЗ – школа». – Екатеринбург, 1999. С. 218–223.

Бекасова Е.Н. «Чуду-юду я и так победу!» // Русский язык в школе. 2006. № 5. С. 71–75.

Бекасова Е.Н. Закономерности совмещения генетически неоднородных элементов в русском языке // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: к 100-летию А.М. Иорданского: материалы седьмой междунар. конф., Владимир, 25–27 сент. 2007 г. – Владимир, 2007. С. 64–65.

Бекасова Е.Н. О некоторых особенностях морфонологического облика форм 1 лица единственного числа в современном русском языке // Русский язык и литература рубежа XX–XXI веков: специфика функционирования: материалы всерос. науч.-практ. конф., Самара, 5–7 мая 2005 г. – Самара, 2005. С. 273–276.

Бекасова Е.Н. О процессах аналогического выравнивания в детской речи // Твори для дітей і про дітей у вітчизняній і зарубіжній літературі // 1 частина: Тезі і матеріали доповіді міжвузівської науково-методичної конференції, Одеса, 11–15 травня 1991 року. – Одеса, 1991. С. 84 Одеса, 85.

Бекасова Е.Н. Победу, побегу, победу... (грамматическая форма в свете показаний языкового сознания) // Психологические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2008. Вып. 6. С. 3–13.

Бекасова Е.Н. Структура трансплантатов в современном русском языке // Вопросы общего, сравнительно-исторического, сопоставительного языкознания: Русский филологический вестник. – М., 1998. № 2. С. 19–25.

Бекасова Е.Н. Феномен формы 1 лица типа *освобожу* в русском языке // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики: сб. материалов конф. ИЛИ РАН, Санкт-Петербург, 9–12 апреля 2013. – СПб., 2013. С. 17–21.

Бодуэн де Куртене И.А. Некоторые общие замечания о языкеведении и языке // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 1. – М., 1963. С. 47–77.

Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.

Граудина Л.К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. – М., 1980.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: монография. 2-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург, 2012.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Касвин Г.А. Основы настоящего времени глаголов 2-го спряжения // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III. – М., Л., 1949. С. 84–151.

Ломоносов М.В. Полное собр. соч.: в X т. Т. VII. Труды по филологии. – М.,-Л., 1952.

Русская грамматика. Фонетика. Фонология. Интонация. Словообразование. Морфология. Т. 1. – М., 1980.

Тарланов З.К. Глаголы с неполной личной парадигмой в русском языке // Вопросы языкознания. 1979. № 1. С. 63–74.

Чернышев В.И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики // Избранные труды. Т. I. – М., 1979.

© Бекасова Е.Н, 2013